

H. Karamazov

Костомаров Н. И.

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ
ЕЕ ГЛАВНЕЙШИХ
ДЕЯТЕЛЕЙ

МОСКВА
2021

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)-8
К 72

Издание подготовил *Юрий Медведев*,
член Союза писателей,
член Международной федерации художников при ЮНЕСКО,
лауреат Пушкинской премии

Костомаров, Николай Иванович.

К72 Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. — Москва : Эксмо, 2021. — 1024 с. : ил. — (Российская императорская библиотека).

ISBN 978-5-699-33756-9 (ПИ)
ISBN 978-5-699-25873-4 (ДПдДЛ)

«История России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» — классический труд одного из основоположников русской исторической мысли Н.И. Костомарова (1817—1885). Неординарный для традиционной науки XIX века отбор сюжетов, своеобразная политическая концепция сделали «Историю» значительным общественным событием своего времени. Благодаря выдающемуся литературному таланту и стремлению быть исключительно внимательным к характерным деталям эпохи знаменитому историку, этнографу, писателю удалось создать и живописно изобразить целую галерею русских исторических деятелей. Издание украшают более трех сотен редких иллюстраций.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)-8**

ISBN 978-5-699-33756-9 (ПИ)
ISBN 978-5-699-25873-4 (ДПдДЛ)

© Ю.М. Медведев. Подготовка текста, 2007
© ООО «Издательство «Эксмо». Оформление, 2021

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР СВЯТОЙ

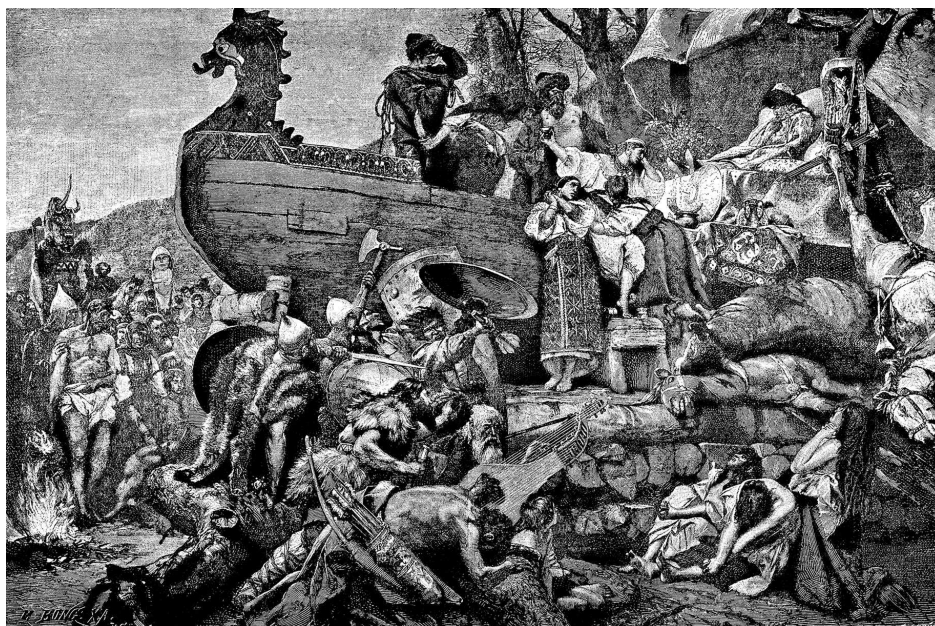
Наша история о временах, предшествовавших принятию христианства, темна и наполнена сказаниями, за которыми нельзя признать несомненной достоверности. Этому причиной то, что наши первые летописцы писали не ранее второй половины XI в., и о событиях, происходивших в их отечестве в IX и X веках, за исключением немногих греческих известий, не имели других источников, кроме устных народных преданий, которые по своему свойству подвергались вымыслам и изменениям. С достоверностью можно сказать, что, подобно всем северным европейским народам, и русский только с христианством получил действительные и прочные основы для дальнейшей выработки гражданской и государственной жизни — основы, без которых, собственно, для народа нет истории.

С давних времен восточная половина нынешней Европейской России была населена народами племени чудского и тюркского, а в западной половине, кроме народов литовского и чудского племени, примыкавших своими поселениями к балтийскому побережью, жили славяне под разными местными названиями, держась берегов рек: Западной Двины, Волхова, Днепра, Припяти, Сожи, Горыни, Стыри, Случи, Буга, Днестра, Сулы, Десны, Оки с их притоками. Они жили небольшими общинами, которые имели свое средоточие в городах — укрепленных пунктах защиты, народных собраний и управления. Никаких установлений, связующих между собой племена, не было. Признаков государственной жизни мы не замечаем. Славяно-русские племена управлялись своими князьями, вели между собой мелкие

войны и не в состоянии были охранять себя взаимно и общими силами против иноплеменников, а потому часто были покоряемы.

Религия их состояла в обожании природы, в признании мыслящей человеческой силы за предметами и явлениями внешней природы, в поклонении солнцу, небу, воде, земле, ветру, деревьям, птицам, камням и т. п. и в разных баснях, верованиях, празднествах и обрядах, создаваемых и учреждаемых на основании этого обожания природы. Их религиозные представления отчасти выражались в форме идолов; но у них не было ни храмов, ни жрецов, а потому их религия не могла иметь признаков повсеместности и неизменности. У них были неясные представления о существовании человека после смерти; замогильный мир представлялся их воображению продолжением настоящей жизни, так что в том мире, как и в здешнем, предполагались одни рабами, другие господами. Они чествовали умерших прародителей, считали их покровителями и приносили им жертвы. Верили они также в волшебство, т. е. в знание тайной силы вещей, и питали большое уважение к волхвам и волховицам, которых считали обладателями такого знания; с этим связывалось множество суеверных приемов, как-то: гаданий, шептаний, завязывания узлов и тому подобного. В особенности была велика вера в тайное могущество слова, и такая вера выражалась во множестве заговоров, уцелевших до сих пор у народа.

Сообразно такому духовному развитию было состояние их житейской умелости. Они умели строить себе деревянные жилища, укреплять их де-

Похороны знатного русса. Худ. Г.И. Семирадский

ревянными стенами, рвами и земляными насыпями, делать лады и рыболовные снасти, возделывать землю, водить домашних животных, прясть, ткать, шить, готовить кушанья и напитки — пиво, мед, брагу, — ковать металлы, обжигать глину на домашнюю посуду; знали употребление веса, меры, монеты; имели свои музыкальные инструменты, на войну выходили с метательными копьями, стрелами и отчасти мечами. Все познания их переходили от поколения к поколению, подвигаясь вперед очень медленно; но сношения с Византийской империей и отчасти с арабским Востоком мало-помалу оказывали на русских славян образовательное влияние. Из Византии заходило к ним христианство. В половине IX века русские после неудачного похода на Византию, когда буря истребила их суда, приняли крещение, но вслед за тем язычество опять взяло верх в стране; однако и после того многие из русских служили на службе византийских императоров в Греции, принимали там христианство и вносили его в свое отечество. В половине X века киевская княгиня Ольга приняла святое крещение. Все это, однако, были только подготовительные явления.

При князьях так называемого Рюрикава дома господствовало полное варварство. Они облагали русские народы данью и до некоторой степени, подчиняя их себе, объединяли; но их власть имела не государственные, а наезднические или разбойничьи черты. Они окружали себя дружиною, шай-

кою удальцов, жадных к грабежу и убийствам, составляли из охотников разных племен рать и делали набеги на соседей — на области Византийской империи, на восточные страны — прикаспийские и закавказские. Цель их была приобретение добычи. С тем же взглядом они относились и к подчиненным народам; последние присуждались платить дань, и чем больше можно было с них брать, тем более брали; за эту дань бравшие ее не принимали на себя никаких обязательств оказывать какую-нибудь выгоду со своей стороны подданным. С другой стороны, князья и их дружинники, имея в виду только дань и добычу, не старались вводить что-нибудь в жизнь плативших дань, ломать их обычаи и оставляли с их внутренним строем, лишь бы только они давали дани и поборы.

Такой варварский склад общественной жизни изменяется с принятием христианской религии, с которой из Византии — самой образованной в те времена державы — перешли к нам как понятия юридические и государственные, так и начала умственной и литературной деятельности. Принятие христианства было переворотом, обновившим и оживотворившим Русь и указавшим ей историческую дорогу.

Этот переворот совершен Владимиром, получившим наименование Святого, человеком великим по своему времени. К сожалению, жизнь его мало нам известна в подробностях, и летописи, сообщаящие его историю, передают немало таких

Владимир и Рогнеда. Худ. А.П. Лосенко

черт, в достоверности которых можно скорее сомневаться, чем принимать их на веру. Откидывая в сторону все, что может подвергаться сомнению, мы ограничимся короткими сведениями, которые при всей своей скудости все-таки достаточно показывают чрезвычайную важность значения Владимира в русской истории.

Владимир был сыном воинственного Святослава, киевского князя, который предпринял поход на хазар, господствовавших в юго-восточной России, взял их город Саркел на Дону, победил прикавказские народы: ясов и кософов, завоевал Болгарию на Дунае, но должен был после упорной защиты уступить ее греческому императору. На обратном пути из Болгарии в Русь он был убит печенегами, народом тюркского племени. Будучи еще в детском возрасте, Владимир был призван новгородцами на княжение и уехал в Новгород вместе со своим дядей Добрыней, братом его матери Малуши, ключницы его бабки Ольги. По смерти Святослава между детьми его началась междоусобица. Киевский князь Ярополк убил брата своего, древлянского князя Олега. Владимир со своим дядей убежал в Швецию и возвратился в Новгород с чужеземной ратью. Вражда у них с Ярополком возникла оттого, что дочь Рогволода, князя полоцкого, Рогнеда, руки которой просил Владимир, отказала ему такими словами: «Не хочу разуть (разуть жениха — свадебный обряд; разуть — вместо

выйти замуж) сына рабы», попрекнув его низостью происхождения по матери, и собиралась выходить за Ярополка. Владимир завоевал Полоцк, убил Рогволода, полоцкого князя, и женился насильно на Рогнеде. Вслед за тем он овладел Киевом и убил своего брата Ярополка. Наш летописец изображает вообще Владимира жестоким, кровожадным и женолюбивым, но мы не можем доверять такому изображению, так как по всему видно, что летописец с намерением хочет наложить на Владимира-язычника как можно больше черных красок, чтобы тем ярче указать на чудотворное действие благодати крещения, представив того же князя в самом светлом виде после принятия христианства.

С большею достоверностью можно принять вообще известие о том, что Владимир, будучи еще язычником, был повелителем большого пространства нынешней России и старался как о распространении своих владений, так и об укреплении своей власти над ними. Таким образом он повелевал Новгородской землею, берегами рек: Волхова, Невы, Мсты, Луги, землею Белозерскую, землею Ростовскою, землею Смоленскою в верховьях Днепра и Волги, землею Полоцкою на Двине, землею Северскою на Десне и Семи, землею полян, или Киевскою, землею Древлянскою (восточной частью Воыни) и, вероятно, также западной Воынью. Радимичи, жившие на Сожи, и вятичи, жители берегов реки Оки и ее притоков, хотели отложиться от подданства и были укрошены. Владимир подчинил дани даже отдаленных ятвягов, полудикий народ, живший в лесах и болотах нынешней Гродненской губернии. Не должно, однако, думать, чтобы это обладание имело характер государственный: такое собиране имело вид грабежа. Сам Владимир укрепился в Киеве с помощью чужеземцев — скандинавцев, называемых у нас варягами, и роздал им в управление города, откуда со своими вооруженными дружинами они могли собирать дань с жителей.

В 988 году Владимир принял христианство. Обстоятельства, предшествовавшие этому событию и сопровождающие его, рассказываются с баснословными чертами, которые вполне свойственны устным преданиям, записанным уже довольно долгое время спустя после означенного события. Достоверно только то, что Владимир крестился и в то же время вступил в брак с греческой царевною Анною, сестрою императоров Василия и Константина. Крещение его, по всем вероятностям, происходило в Корсуни, или Херсонесе, греческом городе на юго-западном берегу Крыма; и оттуда Владимир привел в Киев первых духовных и необходимые принадлежности для христианского богослужения. В Киеве он крестил своих сыновей и народ. Жители без явного противодействия крестились в Дне-

Крещение князя Владимира в Херсонесе (Корсуни).
Худ. В.М. Васнецов

пре отчасти потому, что в самом Киеве уже значительно распространено было христианство и христиане не составляли там незначительного меньшинства, а более всего оттого, что у русских язычников не было жреческого сословия, которое бы разъяснило народу преступность такого переворота с языческой точки зрения и возбуждало бы толпу к сопротивлению.

Владимир деятельно занимался распространением веры, крестил народ по землям, подвластным ему, строил церкви, назначал духовных. В самом Киеве он построил церковь св. Василия и церковь Богородицы, так называемую «Десятинную», названную так оттого, что князь назначил на содержание этой церкви и духовенства ее десятую часть княжеских доходов. Для прочного укрепления новопринятой веры Владимир вознамерился распространить книжное просвещение и с этой целью в Киеве и других городах приказал набирать у значительных домохозяев детей и отдавать их в обучение грамоте. Таким образом на Руси в каких-нибудь лет двадцать возросло поколение людей, по уровню своих понятий и по кругозору своих сведений далеко шагнувших вперед от того состояния, в каком находились их родители; эти люди стали не только основателями христианского общества на Руси, но также проводниками переходившей вместе с религией образованности, борцами за начала государст-

венные и гражданские. Одна уже эта черта показывает во Владимире истинно великого человека: он вполне понял самый верный путь к прочному водворению начал новой жизни, которые хотел привить своему полудикому народу, и проводил свое намерение, несмотря на встречаемые затруднения. Летописец говорит, что матери, отпуская детей в школы, плакали о них как о мертвых.

Владимир после крещения является чрезвычайно благодушным. Проникнутый духом христианской любви, он не хотел даже казнить злодеев и хотя сначала согласился было на увещевания корсунских духовных, находившихся около него в Киеве, но потом с совета бояр и городских старцев установил наказывать преступников только денежною пеней — вирую, по старым обычаям, рассуждая при этом, что такого рода наказание будет способствовать умножению средств для содержания войска.

Сохраняя племенную славянскую веселость, Владимир примирял ее с требованиями христианского благочестия. Он любил пиры и празднества, но пировал не с одними своими боярами, а хотел делиться своими утешами со всем народом — и с старыми, и с малыми; он отправлял пиршества преимущественно в большие церковные праздники или по случаю освящения церквей (что в то время было памятным событием). Он созывал народ отовсюду, кормил, поил всех пришедших, раздавал неимущим потребное и, даже заботясь о тех, которые почему-нибудь сами не в состоянии были явиться на княжий двор, приказывал развозить по городу пищу и питье. Но такое мирное препровождение времени не мешало ему, однако, воевать против врагов. Тогда Киевскую Русь беспокоили печенеги, народ кочевой и наезднический. Уже около столетия нападали они на русский край и при отце Владимира, во время его отсутствия чуть было не взяли Киева. Владимир отразил их с успехом и, заботясь как об умножении ратной силы, так и об увеличении населения в крае, прилежащем к Киеву, населял построенные им по берегам рек Сулы, Стугны, Трубежа, Десны города или укрепленные места переселенцами из разных земель, не только русско-славянских, но и чудских. В 992 году он отнял у польского короля червенские города, нынешнюю Галицию, и присоединил к Руси этот край, населенный хорватами, ветвью русско-славянского племени.

Перед концом жизни Владимир понес сильное огорчение: сын его Ярослав оказал непослушание отцу, и Владимир готовился идти на него. «Теребите путь и мстите мосты», — приказывал он, но смерть застигла его в этих сборах. Он умер 15 июля 1015 года в своем подгородном селе Брестове.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

Княжение Ярослава может назваться продолжением Владимирова, как по отношению киевского князя к подчиненным землям, так и по содействию к расширению в Руси новых начал жизни, внесенных христианством.

Ярослав является в первый раз в истории мятежным сыном против отца. По известиям летописи, будучи на княжении в Новгороде в качестве подручника киевского князя, Ярослав собирал с Новгородской земли три тысячи гривен, из которых две тысячи должен был отсылать в Киев к отцу своему. Ярослав не стал доставлять этих денег, и разгневанный отец собирался идти с войском наказывать непокорного сына. Ярослав убежал в Швецию набирать иноплемеников против отца. Смерть Владимира помешала этой войне. По соображениям с тогдашними обстоятельствами можно, однако, полагать, что были еще более глубокие причины раздора, возникшего между сыном и отцом. Дети Владимира были от разных матерей. Одни летописные известия называют Ярослава сыном Рогнеды, но другие противоречат этому, сообщая, что Владимир имел от несчастной княжны полоцкой одного только сына Изяслава и отпустил Рогнеду с сыном в землю отца ее Рогволода; с тех пор потомки Рогнеды княжили особо в Полоцке, и между ними и потомством Ярослава существовала постоянно родовая неприязнь, поддерживаемая преданиями о своих предках. Из рода в род переходило такое предание: приживши от Рогнеды сына Изяслава, Владимир покинул ее, увлекаясь другими женщинами. Рогнеда из мщения за своего отца и за себя покусилась умертвить Владимира во время сна, но

Владимир успел проснуться вовремя и схватил ее за руку в ту минуту, когда она заносила над ним нож. Владимир приказал ей одеться в брачный наряд, сесть в богато убранном покое и ожидать его; он собственноручно обещал умертвить ее. Но Рогнеда научила малолетнего сына своего Изяслава взять в руки обнаженный меч и, вышедши навстречу отцу, сказать: «Отец, ты думаешь, что ты здесь один!» Владимир тронулся видом сына.

— Кто бы думал, что ты будешь здесь! — сказал он и бросил меч, затем, призвавши бояр, передал на их суд свое дело с женою.

— Не убивай ее, — сказали бояре, — ради ее дитяти, возврати ей с сыном отчину ее отца.

Так рассказывает предание, без сомнения общераспространенное в древние времена. Внуки Рогволода, помня по преданию об этом событии, находились во враждебных отношениях к внукам Владимирова сына, Ярослава, которым, кроме Полоцкой земли, оставшейся в руках потомков Рогволода с материнской стороны, досталась в княжение вся остальная Русская земля. При существовании такого предания, подтверждаемого вековым обособлением полоцких князей от Ярославова рода, едва ли можно считать Ярослава сыном Рогнеды.

Но, не будучи единоутробным братом полоцкого князя, уже при жизни Владимира отделенного, Ярослав не был единоутробным братом и других сыновей своего отца.

Владимир перед кончиною более всех сыновей любил Бориса. Вместе со своим меньшим братом Глебом он в наших летописях называется сыном «болгарыни», а по другим, позднейшим извести-

Суд над Рогнедою. Худ. В.П. Верещагин

ям — сыном греческой царевны. Наши историки, желая сочетать эти известия, полагали, что царевна, отданная в замужество за Владимира Святого, была не родная, а двоюродная сестра греческих императоров, дочь болгарского царя Петра. Была ли она двоюродная сестра Василия и Константина или же родная — до сих пор не решено, но во всяком случае очень вероятно, что Борис и Глеб были дети этой царевны, и Владимир как христианин оказывал им предпочтение перед другими сыновьями, считая их более законными по рождению, так как с их матерью он был соединен христианским браком и они, кроме того, предпочтительно перед другими имели право на знатность происхождения по матери от царской крови.

Владимир, разместивши сыновей по землям, держал близ себя Бориса, явно желая передать ему после себя киевское княжество. Это, как видно, и вооружало против отца Ярослава, который летами был старше Бориса, но еще более вооружало это обстоятельство Святополка, князя, который по летам был старше Ярослава. В летописи Святополк признается сыном монахини гречанки, жены Ярополка, которую Владимир взял себе после брата, как говорят, беременною, и потому неизвестно, был ли Святополк сын Ярополка или Владимира, но в том или другом случае Святополк по возрасту был старше всех прочих сыновей Владимира. Смерть не допустила Владимира до войны с сыном. Бориса в то время не было в Киеве: он был отправлен отцом на печенегов. Бояре, благоприветствовавшие Борису, три дня скрывали смерть Владимира, вероятно, до того времени, пока может возвратиться Борис, но, не дождавись Бориса, должны были похоронить Владимира. Святополк дарами и ласкательством расположил к себе киевлян; они признали его киевским князем: хотя старшинство

рождения давало ему право на княжение, но нужно было еще утвердить его и народным согласием, особенно в такое время, когда существовали другие соискатели. Положение его, однако, и при этом было нетвердо. Купленное расположение киевлян могло легко измениться. Дети христианской царевны имели перед ним нравственное преимущество, могли, кроме того, призвать чужезмцев, и особенно Борис мог во всяком случае быть для него опасным соперником. Святополк избавился от обоих, подославши тайных убийц. Борис был умерщвлен на берегах Альты, близ Переяславля; Глеб — на Днепре, близ Смоленска. Такая же участь постигла и третьего брата, Святослава Древлянского, который, услышав об опасности, бежал в Венгрию, но был настигнут в Карпатских горах и убит. Двое первых впоследствии причислены к лику святых: описание их смерти послужило предметом риторических повествований. Эти князья долго считались покровителями княжеского рода и охранителями Русской земли, так что многие победы русских над иноплемениками приписывались непосредственному вмешательству святых сыновей Владимира. Третий брат Святослав не удостоился такой чести, вероятно, оттого, что первых возвысило в глазах церкви рождение от матери, принесшей с собою христианство в Русскую землю.

Ярослав, ничего не зная о смерти отца, привел в Новгород варягов и расставил их по дворам. (Варягами (Varingiar) назывались уроженцы скандинавских полуостровов, служившие у византийских императоров и переходившие из отечества в Грецию через русские земли водным путем, по рекам от Балтийского моря до Черного. Так как русские в образе этих людей познакомились со скандинавами, то перенесли их сословное название на название вообще обитателей скандинавских полуостровов, а впоследствии это название расширилось в своем значении и под именем варягов стали подразумевать вообще западных европейцев, подобно тому как в настоящее время простой народ называет всех западных европейцев немцами.)

Пришельцы начали бесчинствовать; составился против них заговор, и последовало избиение варягов во дворе какого-то Поромони. Ярослав, в отместку за это, звал к себе в Раком (близ Новгорода, за Юрьевым монастырем) зачинщиков заговора под видом угощения и приказал перебить. В следующую ночь затем пришло ему из Киева известие от сестры Предславы о смерти отца и об избиении братьев. Тогда Ярослав явился на вече (народная сходка), изъявлял сожаление о своем вероломном поступке с новгородцами и спрашивал, согласятся ли ему помочь.

— Хотя, князь, ты и перебил нашу братью, но мы можем за тебя бороться, — отвечали ему.

Новгородцам был расчет помогать Ярославу, их тяготила зависимость от Киева, которая должна была сделаться еще тягостнее при Святополке, судя по его жестокому нраву; новгородцев оскорбляло и высокомерное поведение киевлян, считавших себя их господами. Они поднялись за Ярослава, но вместе с тем поднялись и за себя и не ошиблись в расчете, так как впоследствии Ярослав, обязанный им своим успехом, дал им льготную грамоту, освобождавшую их от непосредственной власти Киева и возвратившую Новгороду с его землею древнюю самобытность.

Ярослав выступил в поход против киевского князя в 1016 году с новгородцами, которых летописец считает до 40 000; с ним было также до 1000 варягов под начальством Эймунда, сына норвежского князя Ринга. Святополк выступил против Ярослава осенью с киевлянами и печенегами. Враги встретились под Любичем и долго (по летописям три месяца) стояли друг против друга на разных берегах Днепра; ни те, ни другие не смели первые переправиться через реку; наконец, киевляне раздражили новгородцев презрительными насмешками. Святополков воевода, выехавши вперед, кричал:

— Ах вы, плотники этакие, чего пришли с этим хромцем? * Вот мы заставим вас рубить нам хоромы!

— Князь, — закричали новгородцы, — если ты не пойдешь, то мы сами ударим на них, — и они перевезлись через Днепр.

Ярослав, зная, что один из воевод киевских расположен к нему, послал к нему ночью отрока и приказал сказать ему такого рода намек: «Что делать? Меду мало варено, а дружины много».

Киевлянин отвечал:

— Хотя меду мало, а дружины много, но к вечеру нужно дать.

Ярослав понял, что следует в ту же ночь сделать нападение, и двинулся в битву, отдавши такой приказ своей дружине: «Повяжите свои головы платками, чтобы отличать своих». Святополк заложил свой стан между двумя озерами и, не ожидая нападения, всю ночь пил и веселился с дружиною. Новгородцы неожиданно ударили на него. Печенеги стояли за озером и не могли помочь Святополку. Новгородцы притиснули киевлян к озеру. Киевляне бросились на лед, но лед был еще тонок, и многие потонули в озере. Разбитый Святополк бежал в Польшу к своему тестю Болеславу, а Ярослав вступил в Киев.

* Быть может, «хромцем» — охотником строить. — *Здесь и далее сноски под звездочкой принадлежат Н.И. Костомарову. (Ред.)*

Болеслав, прозванный Храбрый, стремился к расширению своих польских владений. Он увидел благоприятный случай вмешаться в междоусобия русских князей для своих выгод и в 1018 году пошел вместе со Святополком на Ярослава. Ярослав, предупреждая врагов, двинулся против них на Волынь и встретился с ними на берегах Буга. Тут опять повторился русский обычай поддразнивать врагов. Кормилец и воевода Ярославов, Будый, езда по берегу, кричал, указывая на Болеслава:

— Вот мы тебе щепкою проколем черво твоё толстое.

Не стерпел такого оскорбления храбрый Болеслав.

— Если вас не трогает такой укор, — сказал он своим, — я один погибну, — и бросился вброд через Буг, а поляки за ним. Ярослав не был готов к бою, не выдержал напора и убежал с четырьмя из своих людей в Новгород.

Болеслав овладел Киевом, но возвратил его Святополку, а засел в нем сам и приказал развести свою дружину по городам. Киев представлял много привлекательного для завоевателей. Дань с подчиненных русских земель обогащала этот город; торговля с Грецией и Востоком скрепляла в нем произведения тогдашней образованности. Жить в нем было весело. Болеслав хотел, пребывая в Киеве, править своим государством и отправлять оттуда посольства в западную и восточную империи. Но такое поведение скоро раздражило как Святополка, так и киевлян. Святополк очутился в своем княжении подручником иноземного государя, а поляки начали обращаться с киевлянами, как господа с рабами. Тогда с согласия Святополка русские начали избивать поляков. Расставленные по городам, поляки не в силах были помогать друг другу. Болеслав бежал, но успел захватить с собою княжеское имущество и сестер Ярославовых. Он прежде сватался за одну из сестер Ярослава, Предславу, но, получив отказ, в отмщение взял ее теперь к себе насильно.

Тем временем Ярослав, прибежавши впопыхах в Новгород, хотел бежать дальше, за море. Но бывший тогда новгородским посадником Коснятин, сын Добрыни, не пустил его и велел разрубить лодки; новгородцы кричали:

— Будем еще биться за тебя с Болеславом и Святополком.

Наложили поголовную подать, с каждого человека по четыре куны, но старосты платили по десять гривен, а бояре по восемнадцати, наняли варягов, собрали многочисленную рать и двинулись на Киев. (Куна — первоначально куница, куний

Святополк, терзаемый угрызениями совести.

мех, так как меха были мерилем ценности вещей; отсюда слово «куна» стало означать монетную единицу. Гривна — собственно весовая единица, но в перенесении понятия сделалась крупной монетой, единицей вроде английского фунта стерлингов. Первоначально гривна серебра — фунт, потом, уменьшаясь, дошла около полфунта; гривна

кун приблизительно в семь с половиною раз меньше гривны серебра.)

Святополк, освободившись от Болеслава вероломным образом, не мог уже более на него надеяться. Не в силах будучи удержать Киев, Болеслав все-таки захватил червенские города, отнятые от Польши Владимиром. Святополк обратился к пе-

Единоборство Мстислава Удалого с Редеею.

ченегам; на помощь киевлян, как видно, он также не рассчитывал. Ярослав стал на берегу Альты, на том месте, где был убит брат его Борис. Там, в одну из пятниц 1019 года, на восходе солнца, произошла кровавая сеча. Святополк был разбит и бежал. По известиям нашей летописи, на него нашел какой-то безумный страх: он так ослабел, что

не мог сидеть на коне и его тащили на носилках. Так достиг он Берестья (Бреста).

— Бежим, бежим, за нами гонятся! — кричал он в беспамятстве.

Бывшие с ним отроки посылали проведать, не гонится ли кто за ними, но никого не было, а Святополк все кричал: «Вот, вот, гонятся, бе-

жим!» — и не давал остановиться ни на минуту, и убежал он куда-то «в пустыню между чехов и ляхов» и там кончил жизнь. «Могила его в этом месте и до сего дня, — говорит летописец, — и из нее исходит смрад». (По скандинавским известиям, Святополк погиб в пределах Руси, убитый варягами.) Память Святополка покрылась позором между потомками, и прозвище «Окаянного» осталось за ним в истории.

Ярослав сел на столе* в Киеве и должен был выдержать борьбу и с другими родичами. Полоцкий князь Брячислав, сын брата его Изяслава, в 1021 году напал на Новгород, ограбил, взял в плен многих новгородцев и ушел к Полоцку, но Ярослав догнал его на реке Судомири, отбил новгородских пленников, отнял награбленное в Новгороде, а потом помирился с ним, уступив ему во владение Витебск и Усвяты.

В 1023 году Ярославу пришлось бороться с братом Мстиславом. Этот князь, по древним известиям, плотный телом, краснолицый, с большими глазами, отважный в битве, щедрый к дружине, получил от отца удел в отдаленной Тмутаракани¹, прославился своею богатырскою удалью и в особенности единоборством с касожским князем Редедю, которое долго помнилось на Руси и составляло один из любимых предметов старинных песнопений. Русские, владея Тмутараканскою странюю, часто воевали с соседями своими — касогами. Князь касожский, по имени Редедя, предложил Мстиславу единоборство с тем, чтобы тот из них, кто в борьбе останется победителем, получил имущество, и жену, и детей, и землю побежденного. Мстислав принял предложение. Редедя был исполинского роста и необыкновенный силач; Мстислав изнемогал в борьбе с ним, но взмолился к Пресвятой Богородице и дал обет построить во имя ее церковь, если одолеет своего врага. После он собрал все силы свои, повалил Редедю на землю и зарезал ножом. По сделанному условию, Мстислав после того овладел его имуществом, женою, детьми и наложил на касогов дань, а в благодарность Пресвятой Богородице, оказавшей ему в минуту опасности помощь свыше, построил храм во имя ее в Тмутаракани.

Этот-то князь-богатырь поднялся на своего брата Ярослава с подчиненными ему касогами и

* С этих пор о вступающем на княжение князе почти всегда в летописях говорится, что «он сел на столе». Выражение это согласовалось с обрядом, нового князя действительно сажали на стол в главной соборной церкви, что и знаменовало признание его князем со стороны земли.

¹ Тмутараканское древнерусское княжество находилось на Таманском полуострове. — Здесь и далее сноски под цифрами принадлежат составителю. (Ред.)

призвал на помощь хазар. Сначала он, пользуясь отъездом Ярослава в Новгород, хотел было овладеть Киевом, но киевляне его не приняли; насильно он их покорять, как видно, не хотел или не мог. Ярослав пригласил из-за моря варягов. Достоинно замечания, что почти всегда в междоусобиях князей этого времени они принуждены были приглашать каких-нибудь чужеземцев. Так было и теперь. Приглашенными варягами предводительствовал Якун (Гакон), который оставил по себе на Руси память тем, что на нем было плащ, затканый золотом. Ярослав и Мстислав вступили в бой в Северной земле близ Лиственна. Была ночь и страшная гроза. Бой был жестокий. Мстислав выставил против варягов северян; варяги одолевали северян, но бросился на варягов отважный князь Мстислав со своею удалюю дружиною — и побежали варяги; Якун потерял даже свой золототканый плащ. Утром, обозревая поле битвы, Мстислав говорил:

— Ну как этому не порадоваться! Здесь лежит варяг, там северянин, а своя дружина цела!

Русские князья еще долго проявляли свое древнее значение предводителей воинственных шаек, и только принятое христианство мало-помалу преобразовало их в земских правителей.

Победитель не стал более вести войны с братом. Он послал Ярославу, убежавшему в Новгород, такое слово: «Ты старейший брат, сиди в Киеве, а мне пусть будет левая сторона Днепра!» Ярослав должен был согласиться. Мстислав избрал себе столицей Чернигов и заложил там церковь Спаса. С тех пор братья жили между собою душа в душу; и в 1031 году, пользуясь слабостью преемника Болеслава Храброго, Мечислава, возвратили отнятые Болеславом червенские города (Галичину); тогда Ярослав привел из Польши много пленников и поселил их у себя по берегам Роси; Мстиславу также достались пленники для поселения в своем уделе. Таким образом в народонаселение Киевской земли вливалась, между прочим, польская народная стихия.

В 1036 году Мстислав умер, выехавши на охоту. Он не оставил по себе детей. Удел его достался Ярославу, и с тех пор киевский князь остался до смерти единым властителем русских земель, кроме Полоцкой. Был кроме него в живых еще один сын Владимира Святого, Судислав, живший в Пскове, но Ярослав, по какому-то оговору, тотчас по смерти Мстислава засадил его в тюрьму в том же Пскове, и несчастный сидел там безвыходно до кончины Ярослава. В Новгород сначала Ярослав сам часто наезжал и живал там подолгу, а в отсутствии своем управлял через посадников. Коснятин, сын Добрыни, не пустивший Ярослава бежать за море, впоследствии подвергся гневу его,

1. Киево-Софийский собор. 2. Тот же собор по рисунку XVII века. 3, 4, 5. Древние фрески на стенах собора.

был сослан в Ростов, а потом убит в Муроме. В 1038 году Ярослав посадил в Новгороде сына своего Владимира, а после его смерти, в 1052 году, посажен был сын Ярослава Изяслав, и с тех пор в Новгороде постоянно уже были особые князя; преимущественно же в первое время выбирались старшие сыновья киевского князя.

Ярослав расширял область русского мира подчинением новых земель. Кроме приобретения червенских городов от Польши, он успешно воевал с чудью, и в 1030 году основал в Чудской земле город Юрьев, названный таким образом по христианскому имени Ярослава, нареченного Юрием в крещении. В 1038 и 1040 годах он предпринимал походы на ятвягов и Литву и заставил эти народы платить дань. Червенские города все еще составляли спорную область между Польшею и Русью, но Ярослав укрепил их за Русью тем, что помирился и породнился с польским князем Казимиром. Ярослав отдал за него сестру свою. Казимир возвратил вместо вена¹ восемьсот русских пленных, некогда захва-

¹Плата, даваемая женихом родителям или братьям невесты по древнему обычаю.

ченных Болеславом: в те времена очень дорожили людьми, по скудости рук, необходимых для обработки полей и для защиты края. По всем вероятностям, в это время Казимир уступил русскому великому князю окончательно и червенские города, а за то Ярослав пособил ему подчинить себе Мазовию.

Не так счастливо кончилась у Ярослава морская война с Грециею, последняя в русской истории. Раздор произошел по поводу ссоры между русскими купцами и греками, во время которой убили одного русского. Ярослав в 1043 году отправил против Византии сына своего Владимира и воеводу Вышату, но буря разбила русские суда и выбросила на берег Вышату с шестью тысячами воинов. Греки окружили их, взяли в плен и привели в Царьград. Там Вышате и многим русским выкололи глаза. Но Владимир на море счастливо отбил нападение греческих судов и воротился в отечество. Через три года был заключен мир; слепцов отпустили со всеми пленными, а в утверждение мира греческий император Константин Мономах отдал дочь свою за сына Ярослава, Всеволода. Это было не одно родство с иноземными государями своего времени. Одна дочь его, Елисавета, была за норвежским королем Гаральдом, оставившим потомст-